

# «Как беззаконная комета...»

Многие каналы на прошлой неделе отдали должное Владимиру Мотылю, отметившему восьмидесятый день рождения. Первый канал вспомнил об отце Александре Мене. Такие разные и удивительные люди, трудные, трагические судьбы российских аристократов духа. Прямо по Пушкину, «беззаконные кометы в кругу расчисленном светил». А тут еще «Культура» выступила на совершенно экзотическую тему – о переносе нашей столицы за Урал. Может быть, читатель и не согласится, но мне между всем этим увиделась определенная связь.

Об о. Мене рассказал Первый канал. Правда, в ночные часы: ну не в прайм-тайм же об интереснейшем современном говорит главному офицеру страны! Впрочем, не будем в данном случае швырять камни в этот нередко тоскливый, как газета «Правда», рупор общественного мнения. Он позволил себе, пусть вполголоса, сказать то, о чем с самого начала шептались россияне: к убийству Меня могут быть причастны «органы». Чересчур влиятельным становился этот аркий неутомимый проповедник; а ну как он и вовсе станет духовным лидером нации?! А духовный вождь в рясе – это, знаете ли, слишком даже для тех относительно лояльных к церкви времен. Надо было срочно спастись единственно верное учение – марксизм-ленинизм. Спасли...

Впрочем, чего уж там, настоящие коммунисты, лояльные к церкви – это жареный лед. Это сейчас они похватили свечки и смиренно встали поближе к аналою, неумело крестясь на иконы, которые их предшественники не успели пустить на кормушки для скота. Вот Андропов, тот бдел, он видел опасное для коммунистов возрождение церкви и принял было соответствующие меры. Ах, скоро кончилось его правление. И если бы не приход Горбачева, православие еще бы долго ждал от властей послаблений. Но, видать, отпускать вожжи все равно никто не собирался.

Поначалу вроде бы нашли убийцу. Но даже самым легковверным из нас все показалось уж больно загадочным: уголовник, то ли полоумный, то ли очень даже себе на уме, то ли сознательно за что-то мстил, то ли убил просто так, то ли сам, то ли его подучили, да и вообще похоже, что он – сбоку припека. А тут еще с самого начала следствия начались странные вещи: кто-то стремительно менял следователей, топор – орудие убийства – куда-то запропал, свидетели тоже сгнули, а потом и вовсе были уничтожены все документы следствия. Ну надо же, сколько любопытных совпадений!

А я помню, как книги о. Меня ходили по рукам в «тамиздате» под псевдонимом Эммануила Светлова. Книг, конечно, было мало, их перепечатавали на машинке. Один такой экземпляр, мною же размноженный в двух копиях – больше было опасно – хранится у меня до сих пор. Тогда эта книга произвела на меня ошеломляющее впечатление. Сейчас все это можно прочесть свободно, хотя наши нынешние отцы церкви относятся к трудам Меня очень и очень сдержанно. Не то, чтобы запрещали, но и рекомендовать не слишком спешат и очень охотно критикуют... И есть за что. Как-то слишком свободно написано, нет там заскорузлых догматов, а есть уважение, и не только к православию. А если вспомнить, что Мень – еврей, хоть и крещеный...

Я же, грешным делом, думаю, что людям, тянущимся к вере, непременно надо для начала взять в руки его «Истоки религии». Многое станет понятно и убедительно.

Удивительным образом стыкуется с судьбой Александра Меня судьба совсем другого человека – знаменитого режиссера Владимира Мотыля. «Белое солнце пустыни», «Женя, Женечка и Катиша», «Звезда пленительного счастья»... Что ни название, то счастливая улыбка кинозрителя, а всего девять фильмов. Мало и совсем-совсем не потому, что так хотелось их создателю. Телефильмы о судьбе Мотыля поражают количеством бед и препятствий, выпавших на долю режиссера. Почти каждый его фильм сперва запрещался, а потом с боем пробивал себе дорогу, всякий раз судьба его висела на волоске, и порой только случай спасал картину.

Вот «Белое солнце» нечаянно показали Брежневу, который ни под каким видом не должен был

видеть запрещенную ленту; ну не знал генсек, что вся его камарилья яростно выступает против демонстрации. Фильм ему так понравился, что он даже стал подпевать героям и повторял полюбившиеся фразы. А потом позвонил кинодеятелям и похвалил их за хорошую работу: «Мы первые не только в космосе, но и в кино».

Что оставалось после этого делать партийным борцам за чистоту пролетарского искусства? Хотя даже после оглушительного успеха фильма ему все равно ставились препоны: космонавты, у которых он превратился в счастливый амулет, трижды (!) выдвигали его на соискание государственной премии и трижды получали отказ: влиятельные коллеги Мотыля ложились на амбразуры, но не давали «Солнцу» хода: ему не могли простить независимость суждений и неуправляемость. Четыре года он не мог ничего снимать...

Или вот, отвечавшая в Ленинграде за культуру высокопоставленная партийная дама, некая Круглова, которой Мотыль послал «Звезду», высокомерно не стала читать сценарий, а отдала его своей дочке-подростку; дочка прочла и, растроганная, расплакалась над судьбой романтических героев. Мама, видя такую реакцию, волевым решением поручила создание отвергнутой Москвой картины «Ленфильму»... И это после того, как партийные кинокротики единодушно осудили сценарий... Ну не чудо?

Сейчас почти смешно читать ту критику, с которой тогда накидывались на Мотыля: разве можно изображать басмача смелым красавцем? Почему один красноармеец пьет самогон, а другой, вместо того чтобы поскорее освободить угнетенных женщин Востока, сочиняет письма своей жене? Как может таможенник есть икру в таком количестве? И что это за «За державу обидно»? За рабочий класс обидно, это да, а за державу... А как изображены декабристы? Это же должны быть героические личности без страха и упрека, созвучные эпохе строительства социализма, а в картине – обыкновенные люди! А кем надо быть, чтобы показать советского воина таким интеллигентным хлюпиком?.. Не такие люди выиграли войну, нет, не такие! Автор злобно клеветает на советских солдат!

Конечно, были у Мотыля и союзники. Поддерживал его Г. Чухрай, песни и музыку ему писали Б. Окуджава, Ю. Ким и И. Шварц. Зная, что фильму не дают денег, массовка отказывалась от оплаты, а командиры военных подразделений перед съемкой «Солнца» целыми ротами посылали солдат... полоть траву, некстати вдруг выросшую в пустыне! А однажды вконец отчаявшийся Мотыль послал телеграмму самому Косыгину и – невероятно – получил от вселикого премьер-министра ободряющий ответ и помощь.

Сейчас Мотыль, бодрый и неунывающий, удивительно молодо выглядящий для своих лет, готовит новую ленту. Неужели и эту облают?

Ну а теперь про перенос столицы. На «Культуре» под эгидой Виталия Третьякова на полном серьезе обсуждалась возможность и желательность создать в России новую столицу где-нибудь за Уралом, например, в Тюмени. Или в Амурской области. Или хотя бы в Новосибирске. Такое событие сообщало бы мощный стимул развитию Сибири и Дальнего Востока, где на огромной территории сегодня у нас живут всего двадцать из ста сорока миллионов жителей. Население наше сокращается, и если мы об этом не задумаемся, скоро большую часть России просто потеряем. Все на Восток! А Москва с Петербургом пускай остаются историческими столицами. Пусть даже президент на инаугурации ездит в Москву, не жалко.

Слушайте, а ведь это блестящая мысль. Я придумал, как сделать, чтобы «беззаконным кометам», вроде Меня и Мотыля, стало жить хоть немного полегче. Столицу надо устроить в Якутии, лучше всего в Оймяконе, на полюсе холода. Тут просматриваются даже два варианта. Первый – просто предложить нашему правительству и Думе переехать в Оймякон. Абсолютное большинство, естественно, откажется, и поедут только те, кто действительно болеет за Россию и кому сейчас перекрыт кислород. А мы разом избавимся от всех этих пресловутых оборотней не только в погонах, но и в белых халатах, рясах и костюмах от Версаке. Пусть себе живут в Москве, главное, чтобы идиотских законов не принимали.

А второй вариант – наоборот, сослать всю эту братию в Оймякон: все равно толку от них чуть, а на таком расстоянии они слишком большого вреда авось не принесут.

Тем более, что им придется все время думать о том, чтобы согреться.

Владимир ЖЕЛЬВИС,  
профессор ЯГПУ имени К. Д. Ушинского.